

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе**

2018-2019 учебный год

9 класс

Максимальный балл – 100

Дорогой любитель литературы!

Желаем тебе успеха!

1. Аналитическое задание

Максимальный балл - 70

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору)

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Вариант 1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа А.И. Куприна (1870 — 1938) «Первенец». Определите идею рассказа. Обратите внимание на автобиографизм рассказа прокомментируйте его название; проанализируйте средства создания образа главного героя, выражения чувств и мыслей персонажей через жесты, мимику, речевую характеристику; охарактеризуйте соотношение авторского слова и речи героя-рассказчика; определите пафос изображаемого и средства выражения позиции писателя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А.И. Куприн

Первенец

Это случилось в Москве. Мне только что минуло семнадцать лет - возраст, в котором жизнь литератора представляется торжественным путем к славе, усыпанным розами и лаврами. Вступить на этот путь казалось мне верхом счастья, доступного смертному.

Я теперь не помню ясно содержания моего первого рассказа. Если не ошибаюсь, в нем говорилось о том, что было прекрасное майское утро, что молодой и красивый человек, по имени Вольдемар, влюбился в это утро в девуцу Людмилу, исполненную необыкновенных достоинств, и что девушка Людмила изменила самым коварным образом Вольдемару ради кавалерийского офицера. Рассказ назывался "Ранние слезы".

Переписав "Ранние слезы" по крайней мере раз восемь, я отнес их поэту Венкову, который часто бывал у нас в доме и благоволил ко мне. Поэт Венков писал одновременно почти во всех русских газетах и журналах и обладал изумительной способностью повсюду втискивать гражданскую идею. Если он описывал грозу, то непременно в конце стихотворения выражал надежду, что и над дорогой родиной когда-нибудь "разойдутся нависшие тучи". Вид водопада напоминает ему плененную мысль, разбившую насильственные оковы.

Я и теперь совершенно точно припоминаю его характерную физиономию: яйцевидное лицо, все изрытое оспой и постоянно склоненное набок, жиденькая, беспорядочная, трясушаяся бородёнка песочного цвета, длинный нос, подслеповатые глаза и высокий конический лоб, по обе стороны которого падали на плечи прямые редкие волосы. Он никогда не присаживался и постоянно ходил по комнате из угла в угол, причем так широко и смешно расставлял свои кривые ноги, как будто бы находился на

палубе корабля во время бури. Если же это бывало дома, то, сделав три-четыре конца от одного угла до другого, он каждый раз подходил к небольшому шкафчику, отворял его, доставал оттуда графинчик с настойкой и две рюмки (одну для себя, другую для собеседника), пил со страшными гримасами на лице и, спрятав настойку обратно в шкаф, продолжал ходить своей морской походкой по комнате.

Иван Лиодорович принял мой рассказ очень снисходительно и обещал куда-нибудь пристроить, хотя наверно не ручался за успех. Но и этого туманного обещания было для меня гораздо более чем достаточно.

Однако прошел месяц, и другой, и третий, рассказ давно уже находился в редакции "Московского иллюстрированного листка", а между тем судьба его была покрыта мраком неизвестности. Вероятно, за это время я порядком-таки надоел бедному Ивану Лиодоровичу. Каждую среду и субботу - нас по этим дням отпускали из училища домой - я неизменно являлся к нему. В моих глазах он всегда читал один и тот же жадный вопрос и ничем не мог меня успокоить, кроме неопределенных увещаний, что "надо подождать, потерпеть... нельзя же сразу... Редакция прямо завалена рассказами". Ужасные слова: редакция завалена рассказами! Но ведь то другие, посторонние, неинтересные рассказы, а не мои "Ранние слезы"...

Счастье пришло, как и всегда оно приходит, в то время, когда я всего менее ожидал. Однажды в воскресенье я был оставлен без отпуска за единицу, полученную мною по предмету военной фортификации (наука, одно название которой и теперь еще заставляет меня вздрагивать). В девять часов вечера стали один за другим являться отпускные юнкера. Кто-то сказал мне - я в то время был в курилке: "Калинин пришел из отпуска и ищет вас". Меня это сообщение немного удивило: с Калининым, хлыщеватым и глупым малым, мы до сих пор почти ни разу не разговаривали. Зачем я мог ему понадобиться?

Мы встретились на лестнице, ведущей из курилки в роту. В руках у Калинина был длинный бумажный сверток.

- Пэслушайте, - сказал Калинин, коверкая, по обыкновению, фатовским манером свою речь, - кэкой-то "шпак" (на нашем языке это означало штатский) просил меня передать вам вот эту штуку.

Он сунул мне в руки бумажный сверток.

- Какой шпак? - спросил я, сконфузившись за "шпака".

- Не знаю... Дэвольно гнусного вида... Остановил меня на улице и спрашивает, не знаком ли я с вами. Я говорю - знэком. Так передайте, говорит, п'жэлста.

Сверток издавал сильный запах типографской краски. Сердце замерло у меня в груди от какого-то сладкого предчувствия. Я нетерпеливо развернул бумагу и увидел два номера "Иллюстрированного листка".

Впоследствии нередко были в моей жизни моменты очень большого счастья. Но еще ни разу до сих пор не испытывал я такого сильного наплыва восторга, как в ту минуту, когда мои глаза увидели эти правильные строчки черных букв, отчетливо напечатанных на белой глянцевиной бумаге. Припадок обуявшей меня радости носил даже несколько дикий характер, и я не сумел ее выразить не чем иным, как безумными скачками через пять ступенек сразу. Прибежав в спальню, я продолжал бесноваться, прыгая через кровати и табуретки. Наконец, успокоившись немного, я опустил вниз висячую лампу с контрабажуром и развернул "Листок"... Но строчки прыгали перед моими глазами, и буквы сливались в черные полосы.

Нужно было во что бы то ни стало поделиться с кем-нибудь моей радостью. Увидав кого-то из более мне близких товарищей, я бросился к нему:

- Посмотри... вот здесь... в журнале... мой рассказ напечатан.

Я задыхался от волнения. Что же касается до него, он изумился и обрадовался гораздо менее, чем я ожидал.

- Ну? Неужели? - спросил он довольно равнодушным тоном и протянул руку за номером.

Он стал читать, а я, обняв его сзади, заглядывал через его плечо в дорогие строки. Он читал довольно медленно. Какое-то ревнивое чувство вдруг овладело мною.

- Подожди, я тебе дам потом, я еще сам не прочел, - сказал я, вырывая от него "Листок".

Но едва я отошел от него, как потребность сообщить еще кому-нибудь о моем блаженстве опять неудержимо заговорила во мне. Я показал "Листок" по крайней мере десяти товарищам. Все они старались казаться заинтересованными, но, к моему великому огорчению, их участие не удовлетворяло меня.

Наконец вокруг меня собралась порядочная кучка оповещенных. Кто-то попросил прочесть вслух, и я начал голосом, прерывающимся от волнения и недавней беготни, с давно знакомой красивой фразы:

"Было прекрасное майское утро..."

Когда я кончил, слушатели выразили снисходительное одобрение.

- Интересно будет прочитать критику, - заметил чей-то уверенный голос.

Тем временем моя аудитория привлекла новых любопытных. Узнав, в чем дело, они тоже выразили желание послушать, и я во второй раз с тем же удовольствием прочел свое произведение.

И каждый раз, когда я снова начинал его читать, я находил в нем все новые красоты. Но мне и этого было мало. Я заставлял читать вслух других, а сам прислушивался с закрытыми глазами, стараясь вообразить себя посторонним человеком.

На другой день меня позвал к себе Дрозд - мой ротный командир.

- Дайте мне сейчас то, что вы там намарали, - приказал он суровым тоном.

Я притворился непонимающим.

- Что такое, господин капитан?

- Там вы... чепуху какую-то написали в газетишке, дайте ее сюда... и без разговоров...

Нечего было делать: я принес ему один номер "Листка". Он развернул его и, ткнув пальцем в мои инициалы С. и М., спросил:

- Это?

- Это, господин капитан, - ответил я с гордым достоинством.

- Ступайте в карцер, - произнес ротный командир, разрывая драгоценный номер вдоль страниц. - И если это повторится в следующий раз, вы будете исключены из училища.

Я пошел в карцер. Поступок Дрозда с номером "Листка" хотя и возмущал меня до глубины души, но я уже знал и утешал себя сознанием, что двигатели просвещения всегда терпели и будут терпеть несправедливые нападки невежественной толпы.

Я отсидел двое суток, но мне не было скучно, потому что со мною был оставшийся в живых номер "Листка", и я читал свой рассказ запоем. Я даже прочел его вслух моему тюремному сторожу, сверхсрочному унтер-офицеру, который выразил свое одобрение восклицанием: "Ловко!"

С той поры прошло много, очень много лет. Я уже по опыту знаю, что на литературском пути гораздо более терний, чем роз, и, получая номер со своим произведением, не радуюсь ему, а спокойно считаю количество строк. Но в моей душе иногда шевелится жгучая зависть к тогдашней наивной радости и светлой вере.

1897

Вариант 2 . Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения Андрея Дементьева (1928 —2018) «Встреча Пушкина с Анной Керн». Обратите внимание на следующие особенности его поэтики: интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте; соотношение диалога,

мыслей и психологических ремарок как прием создания образов; хронотоп (художественное время и пространство текста); роль тропов и лексики в выражении авторской позиции; сочетание традиционного размера и функций его необычного графического выделения, необычность способа рифмовки; Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Андрей Дементьев

Встреча Пушкина с Анной Керн

А было это в день приезда.
С ней говорил какой-то князь.
"О боже! Как она прелестна!" -
Подумал Пушкин, наклонясь.

Она ничуть не оробела.
А он нахлынувший восторг
Переводил в слова несмело.
И вдруг нахмурился.
И смолк.

Она, не подавая вида,
К нему рванулась всей душой,
Как будто впрямь была повинна
В его задумчивости той.

- Что сочиняете вы ныне?
Чем, Пушкин, поразите нас? -
А он - как пилигрим в пустыне -
Шел к роднику далеких глаз.

Ему хотелось ей в ладони
Уткнуться. И смирить свой пыл.
- Что сочиняю?
Я... не помню.
Увидел вас -
И все забыл.

Она взглянула тихо, строго.
И грустный шепот, словно крик:
- Зачем вы так? Ну, ради Бога!
Не омрачайте этот миг...

Ничто любви не предвещало.
Полуулыбка. Полувзгляд.
Но мы-то знаем -
Здесь начало
Тех строк,
Что нас потом пленят.

И он смотрел заворуженно
Вслед уходившей красоте.

А чьи-то дочери и жены
Кружились в гулкой пустоте.

1966

2. Творческое задание

Представьте, что там, где вы живете, выходит уникальная городская газета. Уникальна она потому, что ее авторский коллектив полностью состоит из отечественных писателей. Подумайте:

1. Как эта газета могла бы называться.
2. Кто из отечественных писателей и какие колонки мог бы там вести (необходимо представить не менее 5 колонок, обосновав свой выбор тематики колонки). Придумайте заглавие каждой колонки.
3. Предложите содержательное наполнение каждой колонки. Укажите круг вопросов или проблем, которые могут быть освещены в том или ином материале.

* Колонка – жанр журналистики, представляющий собой авторское высказывание на злободневную тему, с определенной регулярностью публикуемое в одном издании и, как правило, размещаемое на постоянном месте в газетной (журнальной) полосе или на сайте. Виды колонок: информационно-аналитическая, политическая, юмористическая, спортивная, литературная и т.д.